

«ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ» XV В.: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В 2007 г. был опубликован свод находок памятников русской сфрагистики, сделанных энтузиастами «металлопоиска» [Станюкович, Авдеев]. Резкое неприятие этой практики археологами, вполне убедительно аргументированное в статьях Н. А. Макарова [Макаров] и Л. С. Клейна [Клейн], возможно, повлияет и на оценку этого свода. Тем не менее он вводит в научный оборот ряд ценных источников, которым суждено было осесть в частных коллекциях и остаться недоступными для исследования.

В числе этих находок — литая медная с позолотой матрица печати некоего князя Дмитрия [Станюкович, Авдеев, табл. XII. № 49; с. 132–133]. Печать была обнаружена в Алексинском районе Тульской области, «в 8 км к югу от Алексина и в 2 км от села Широносова, место бывшей деревни».

Диаметр печати 22 мм. Круговая надпись в ободке «† Печ[а]ть кн[а]зл Дмитре[а]». В центре — тамгообразная фигура, описанная публикаторами как «стоящая колонна с двумя симметричными С-образными завитками по сторонам» (Рис. 1).

Палеографические особенности надписи указали авторам на широкий диапазон датировки — в пределах XV в., что не вызывает возражений. Однако А. К. Станюкович и А. Г. Авдеев сочли возможным сузить ее до второй четверти XV в. Это не вполне соотносится со сведениями о том, что печать входила в состав клада, а «наиболее ранняя монета, найденная там же, где и печать, относится ко времени Ивана III (1462–1505) или Василия III (1505–1533)». Не подкрепляют указанную датировку печати и предположения авторов по поводу ее владельца. Печать была ими атрибутирована князю Дмитрию Всеволодичу Шутихе Мезецкому (уп. 1422–1424, 1440 г.) [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 2, № 40], с меньшей вероятностью — другим верховским князьям XV в., известным по родословным, Дмитрию Семеновичу Тарусскому (конец XIV — начало XV в.)¹ или Дмитрию Федоровичу Воротыньскому (уп. 1483, 1488–1496 г.) [Власьев, т. 1, ч. 1, с. 51, № 5]. Из возможных владельцев печати авторы выбрали лишь верховских князей, поскольку их вотчины располагались в Поочье, то есть «по месту находки печати».

Трудно согласиться с предположением публикаторов о том, что печать могла быть утеряна владельцем только в пределах своей вотчины или в непосредственной близости от нее. Кем бы ни был князь Дмитрий, нет оснований отказывать ему в мобильности. Подобно иным представителям княжеской знати он должен был ходить в военные походы, участвовать в смотрах, великокняжеских церемониях, наместничать в городах, предпринимать паломничество в монастыри — словом, покидать свою вотчину на значительные сроки и удаляться от нее на значительные расстояния. Печать могла быть потеряна не самим князем, а его служителем, посланным с каким-либо поручением. Наконец, она могла быть похищена злоумышленником и утеряна или припрятана уже им — этому не противоречит указание о находке печати в составе клада. Вот только несколько самых очевидных и, как кажется, вполне реалистичных сценариев, препятствующих увязке места находки печати с ее атрибуцией.

Если даже принять спорный посыл, связывающий место находки печати с вотчиной ее владельца, то ни один из трех предложенных А. К. Станюковичем и А. Г. Авдеевым князей

¹ Известен лишь как контрагент докончания с великим князем московским Василием Дмитриевичем (1389–1425 г.), в котором «году не написано». Л. В. Черепнин считал «очень вероятным, что названный документ относится к тому же времени, что и докончания великого князя московского с князьями Владимиром Андреевичем серпуховским и Федором Ольговичем рязанским, то есть к 1401–1402 гг.» [Черепнин, ч. 1, с. 83]. С. А. Фетищев, впрочем, полагал, что московско-серпуховское докончание было составлено либо в 1404, либо в 1406 г. [Фетищев, с. 68].

Дмитриев не мог быть ее владельцем. Как известно, Алексин с уездом со второй четверти и до конца XIV в. принадлежал митрополитам, затем московскому великому князю, с начала XV в. — серпуховским князьям, затем вновь великому князю, после феодальной войны — можайскому князю Ивану Андреевичу и, наконец, вернулся в великокняжеские владения². Таким образом, данная территория не была в XV в. вотчиной кого-либо из верховских князей. Это требует существенного расширения списка возможных кандидатов на владение найденной печатью — за счет всех иных «князей Дмитриев», причем не только Московской Руси.

Между тем место находки печати предлагает иные перспективы для идентификации ее владельца. Оно расположено не только вблизи Алексина, но и в 12 км к востоку от Любутска, каковой с конца XIV в. до 1503 г. принадлежал Великому княжеству Литовскому (с вероятным перерывом в самом начале XV в.) [Шеков, с. 59–62], и, вполне возможно, входило в Любутский повет либо непосредственно граничило с ним. В настоящее время Любутск — городище (Троицкое I) на правом берегу реки Оки, при впадении в нее реки Любутки, на левом берегу последней. Археологические исследования, которые ведутся здесь с конца XIX в., выявили земляные укрепления средневекового города, остатки жилых и хозяйственных сооружений; коллекция находок представлена предметами вооружения, быта, украшениями XIV–XV в.³

Среди любутских наместников, представлявших на этом восточном форпосте Великого княжества Литовского власть великого князя, обращает на себя внимание фигура князя Дмитрия Путятича — единственного из них, сочетавшего искомые имя и титул.

Князь Дмитрий Путятич, наместник мценский и любутский, в 1456 г., если довериться предлагавшейся публикаторами дате, жаловался литовскому великому князю и королю польскому Казимиру на набег рязанцев, которые подожгли Мценск⁴. Оставался он в этой должности и в июне 1486 г., когда доносил королю уже о нападении на «мещян и любучан» московского войска, состоявшемся 8 мая⁵. В 1492 г. в Мценске и Любутске был уже новый наместник⁶.

С июля 1486 г. по сентябрь 1488 г. князь Дмитрий Путятич упоминается в качестве наместника брянского⁷. Вероятно, это все тот же князь, бывший мценско-любутский наместник, получивший в июне-июле 1486 г. новое назначение.

Наконец, в 1492–1505 г. киевским воеводой значится князь Дмитрий Путятич, умерший в 1505 г. Источники, исследованные Й. Вольфом, позволили ему уверенно идентифицировать киевского воеводу как князя Дмитрия Ивановича Путятича-Друцкого. При этом Й. Вольф не решился отождествить любутского и мценского наместника 1456–1486 г. и брянского 1486–1488 г. с киевским воеводой 1492–1505 г. [Wolff, 1885, s. 19; Wolff, 1895, s. 405]⁸. Эту сдержанность можно понять: пятидесятилетний стаж службы великому литовскому князю в наместничьих урядах сделал бы князя Д. И. Путятича если не уникальным, то все-таки редким

² АФЗХ. Ч. 1. С. 23–24. № 1; ДДГ. С. 43. № 16; С. 47. № 17; С. 122. № 41; С. 130, 132, 135, 138. № 45; С. 41. № 46; С. 147. № 48; С. 180, 183. № 58; С. 194. № 61.

³ Археологическая карта России. Калужская область / Ред. А. В. Кашкин. М., 2006. С. 232–233.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России / Собр. и изд. Археографической комиссией. (далее — АЗР) СПб., 1846. Т. I: 1340–1506. С. 71. № 58. О сомнительности этой даты см. примеч. 9.

⁵ Там же. С. 107. № 88; РИБ. Т. XXVII. Стб. 445–447.

⁶ АЗР. С. 123. № 105.

⁷ РИБ. Т. XXVII. Стб. 229. В мае 1487 г. и сентябре 1488 г. князю Дмитрию Путятичу как наместнику брянскому был адресован указной лист короля Казимира (Там же. Стб. 415–416, 426), в декабре 1487 г. он получил с мьга брянского 20 коп грошей (Там же. Стб. 239).

⁸ Упоминается в этом уряде с 20 октября (РИБ. Т. XXVII. Стб. 129). Возможно, перевод Д. И. Друцкого-Путятича в 1486 г. из Любутска следует связать с тем, что в 1485 г. рязанской великой княгиней стала его двоюродная племянница Аграфена Васильевна, дочь Василия Ивановича Бабича-Друцкого.

должителем⁹. Между тем в 1499 г. киевский воевода, кажется, готовился стать отцом: при условии рождения у него сына пожалованные ему двор Крошин в Новгородском повете и село Положане Любошанской волости должны были отойти наследнику¹⁰, и это условие не было типичной формулой для литовских актов.

Однако никаких оснований отрицать тождественность трех князей Дмитриев Путятичей второй половины XV — начала XVI в. не имеется. Их уряды следуют хронологически последовательно, а генеалогия литовских князей этого периода не дает возможности предложить иную альтернативу. Таким образом, любутско-мценского наместника князя Дмитрия Путятича следует отнести к роду Друцких князей.

Но принадлежала ли найденная печать любутскому наместнику князю Д. И. Путятичу? К сожалению, сопоставить ее с иными его печатями невозможно. Упоминается печать Д. И. Путятича, привешенная к меновой грамоте 1467 г., по которой он менялся друцкими именами с Ивашкой Ильиничем. Грамота известна в подлиннике, однако уже в XIX в. приложенные к ней печати были утрачены¹¹.

Проверить это предположение позволяет анализ помещенного в центре печати знака. В его основе вертикальная черта на горизонтальном подножии, составляющем около половины длины от вертикали. Венчает вертикаль наверху, судя по всему, не прямое, как подножие, а несколько вогнутое. По обеим сторонам от вертикали расположены две дуги значительно больше полуокружности.

Публикаторы «печати князя Дмитрия» предложили свою интерпретацию помещенной в ней фигуры, ссылаясь на авторитетное для них мнение Ю. Ф. Рогового¹²: «Подковообразные фигуры по сторонам колонны — это, по мнению Ю. Ф. Рогового, растущий и убывающий полумесяцы, которые обозначают начало и конец и отражают идею непрерывности и вечности. Вместе с символом колонны (столпа Закона) два полумесяца, растущий и убывающий, передают идею непрерывности и вечности закона и правления». Такая трактовка центральной фигуры печати не представляется убедительной. Функциональное назначение актов печатей в XV в. состояло отнюдь не в выражении философских абстракций, в том числе «идеи непрерывности и вечности закона и правления», а в четкой идентификации владельца, что делало для него юридически обязывающим приложение печати к документу. Это — магистральный путь развития русской сфрагистики, иные развития не получили.

Следует предположить, что предназначением знака было указание на род его владельца, не указанный в легенде печати. Это — родовой или лично-родовой знак, для которого можно предложить продуктивные аналогии.

Во-первых, это печать Ивана Семеновича Бабы-Друцкого, дяди Д. И. Путятича, прикрепленная к договору Свидригайло с Ягайло 1431 г. Диаметр ее 28 мм, круговая легенда, воспроизведенная в публикации, судя по всему, не вполне уверенно, должна читаться как «Печать князя Ивана Семено[вича]» [Gumowski, s. 698–699, tabl. IX. № 68; Насевич, с. 52]¹³. В

⁹ Дата 1456 г., с которой документ с упоминанием Д. И. Путятича был опубликован впервые (АЗР. С. 71. № 58) и с которой он фигурировал в исследованиях [Иловайский, с. 210], спорна. Посольство от короля Казимира к неназванному рязанскому князю датировано 9 июня индикта 4. В период королевствования Казимира этот индикт выпадал на 1441, 1456, 1471 и 1486 г. Последняя дата наиболее вероятна, поскольку книга записей Литовской метрики, к которой относится документ, содержит посольства за 1479–1486 г. [Бережков, с. 118].

¹⁰ РИБ. Т. XXVII. Стб. 760–762.

¹¹ Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Lwow, 1887. Т. I: 1366–1506. S. 238 (правильно: 138).

¹² Работа этого автора публикаторами не называется. Поиск по ресурсам цитирования и библиографическим базам не выявил работ Ю. Ф. Рогового.

¹³ В публикации договора, предпринятой Б. Бучинским, упомянута не одна, а две печати князя Ивана Семеновича, описанные и прочитанные, судя по всему, неверно [Бучинский, с. 136].

центре печати — вписанная в гербовый щит фигура, прорисовка которой опубликована в ряде работ отдельно [Piekosinski, 1899, s. 95. Fig. 133; Gumowski, tabl. II. № 15; Piekosinski, 1907, t. VII. Z. 2. S. 25. № 96] и описывается исследователями по-разному. Ф. Пекосинский считал ее измененным гербом «Лис», М. Гумовский называл ее «стрелой с четырьмя луками по сторонам». Так или иначе, фигура на печати И. С. Бабы-Друцкого демонстрирует очевидное типологическое единство с фигурой на печати князя Дмитрия: в основе обеих — вертикаль в сопровождении двух дуг (Рис. 2). Дуги на печати И. С. Бабы примыкают к вертикали-стреле, что наглядно объясняет происхождение герба князей Друцких — «Друцк»: «в красном поле четыре золотых полумесяца, расположенных попарно так, что один из них в каждой паре имеет рога, обращенные вверх, а другой вниз. Посреди щита серебряный меч с эфесом наподобие креста» [Лакиер, с. 426]. Действительно, в таком контактном положении дуги воспринимаются как две пары полумесяцев, обращенных концами друг к другу.

Вторая печать принадлежит другому дяде Д. И. Путятича, Василию Семеновичу Красному (Рис. 3). В ее центре расположена фигура, в основе которой также вертикаль, сопровождаемая двумя дугами. Дополнительными элементами, отличающими ее от печати брата и племянника, выступают горизонтальная перекаладина, превратившая вертикаль в крест, и винетка в основании вертикали [Насевич, с. 54]¹⁴.

В XIX в. были известны и другие печати представителей рода князей Друцких XV в., но они к настоящему времени либо утрачены, либо непригодны для исследования. Печать княгини Софии, жены князя Дмитрия Семеновича Зубревицкого (дяди Д. И. Путятича), либо ее дочери, княгини Марины Дмитриевны Трабской, скрепляла их вкладную грамоту в Виленский Пречистенский собор 1486 г. Можно понять, что на момент публикации (1869 г.) грамота хранилась в библиотеке Литовской духовной семинарии. К ней была «приложена одна печать, почерневшая от времени или оттиснутая на черном воске»¹⁵. К сожалению, публикация не сопровождалась прорисовкой печати или ее более подробным описанием. В настоящее время эта грамота в подлиннике не сохранилась; фонд духовной семинарии содержит документы лишь с XIX в.¹⁶ Уже потертой описана в 1890 г. черновосковская печать князя Федора Дмитриевича Друцкого-Горского 1492 г.¹⁷

Другие печати князей Друцких XV в. демонстрируют следование иным традициям. Печать отца Д. И. Путятича, князя Ивана Семеновича Путяты, во всех известных публикациях ориентирована неверно [Vossberg, s. 44; taf. 24¹⁸; Gumowski, tabl. IX. № 71; Насевич, с. 52]¹⁹. Публикаторов смутил, вероятно, «опрокинутой» гербовый щит, острие которого на печати направлено не привычно вниз, а вверх. Это — либо ошибка резчика, либо свидетельство его (и заказчика) равнодушия в этом вопросе, объяснимое невысоким уровнем развития геральдической культуры. Сверху печати должна начинаться и круговая легенда: «Кнѣзѣ [И]вана Путѣтина»²⁰. При правильной ориентации печати И. С. Путяты помещенная на ней фигура однозначно интерпретируется как «процветший крест» — широко распространенный, в том числе и в сфрагистическом материале, символ (Рис. 4).

¹⁴ В описании Б. Бучинского — «три подковы и одна стрела» [Бучинский, с. 136], что не соотносится с имеющимися публикациями. Не вполне точно и чтение Б. Бучинским круговой легенды.

¹⁵ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1869. Т. 6. С. 2.

¹⁶ Выражаю искреннюю благодарность д-ру Эдмундасу Антанасу Римше за его консультацию по этому вопросу.

¹⁷ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Т. 3. S. 24.

¹⁸ Здесь описана как печать неизвестного литовского князя Вопо времени Ягеллонов из собрания князей Чарторыйских в Пулавах.

¹⁹ Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882. Вып. 1. Табл. 80. Заимствована из [Vossberg], определена как «печать князя друцкого Ивана Путятина 1423 года».

²⁰ Ср. порядок слов в публикации М. Гумовского: «Путятина князя Вана» [Gumowski, s. 698]; автор предложил такой порядок, прочитав круговую легенду привычно, с ее верхней точки.

Печати всех трех братьев Семеновичей прикреплены к договору 1431 г. в такой последовательности: Баба – Путята – Красный [Gumowski, s. 25–26], то есть строго по родовому старшинству (см. схему 1).

Итак, знак на обнаруженной печати князя Дмитрия типологически соответствует знакам на уже известных и точно атрибутированных печатях князей Друцких, что прибавляет оснований для идентификации ее владельца как князя Дмитрия Ивановича Путятича-Друцкого, наместника любутского. Золоченая наместничья печать, вероятно, относится к числу трофеев, захваченных и спрятанных в кладе рязанцами или москвичами в ходе одного из многочисленных, судя по всему, набегов на Любутск.

Знаки на печати представляют собой пример трансформации архаичных княжеских знаков в геральдизированные эмблемы. Следует отметить, что вывод о том, что древняя традиция княжеской «геральдики» исчезла в XIII в. [Молчанов, с. 100], был, вероятно, слишком поспешным. Не так давно появились данные о клеймении «черниговским трезубцем» ордынских монет в XIV в. [Беспалов]. Процессы геральдизации лично-родовых знаков Рюриковичей и Гедиминовичей на западнорусском материале XIV–XVII в. плодотворно изучались украинским историком О. Однороженко [Однороженко, 2008; Однороженко, 2010]. Известны примеры геральдизации родовой тамги у менее значимых и нетитулованных родов [Хорошкевич].

О генетической связи лично-родовых эмблем князей Друцких со знаками Рюриковичей предшествующего периода высказал предположение В. Л. Насевич [Насевич, с. 57]. Возможно, базовая для раннего варианта лично-родового знака князей Друцких фигура восходит к трезубцу Рюриковичей (с центральным вертикальным зубцом и изогнутыми крайними отрогами), в котором была опущена горизонталь. Однако для суждений о генезисе лично-родовых знаков князей Друцких материала недостаточно.

Во время деятельности следующих после князя Дмитрия поколений князей Друцких лично-родовой знак трансформировался в эмблему, получившую в геральдике именование «Друцк». Ее, в частности, содержит четвертое поле герба Льва Сапеги по его бабке княжне Богдане Друцкой-Соколинской (см. схему 1) [Насевич, с. 67].

Обращает на себя внимание уже более поздняя тенденция отличать родовую эмблему в той или иной ветви сильно разросшегося рода князей Друцких. Так, эмблема, которой пользовался князь Крыштоф, также являет собой усложнение знака за счет добавления двух элементов – коротких горизонтальных линий между каждой их пар полумесяцев (см. схему 1).

Иллюстрации

Рис. 1

Рис. 2

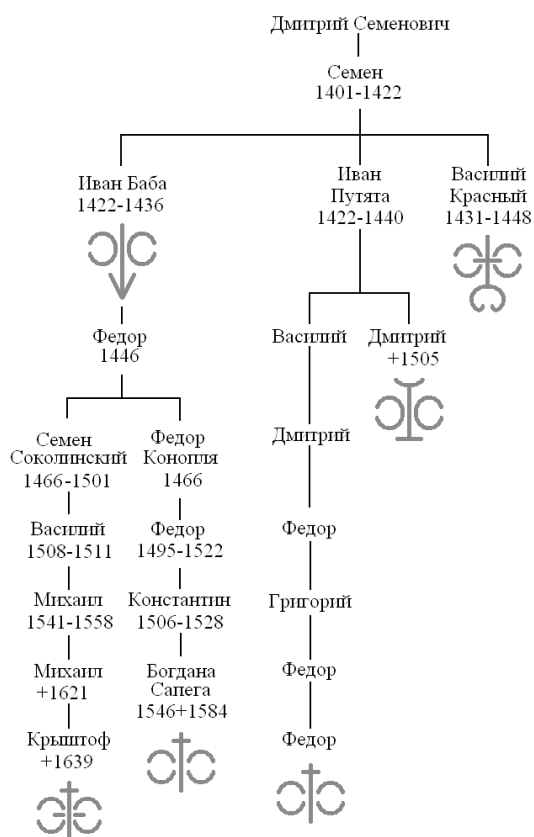

Рис. 3

Рис. 4

Схема 1. Эволюция знаков князей Друцких XV–XVII в.

Литература

- Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. М.; Л., 1916. Ч. 1: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год.
- Беспалов Р. А. О датировке клеймения монет черниговским трезубцем // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2012. Вып. 4. С. 120–131.
- Бучинський Б. Кілька причинків до часів вел. князя Свитригайла (1430–1433) // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1907. Т. LXXVI. Кн. 2. С. 117–147.
- Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. СПб., 1906. Т. I: Князья черниговские. Ч. 1, 2.
- Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858.
- Клейн Л.[С.] Археологи против черных // Троицкий вариант. 2013. 26 февр. № 123. С. 12.
- Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855.

- Макаров Н. А. Археология и грабительские раскопки: комментарий к общеизвестному // Российская академия наук. Ордена Трудового Красного Знамени Институт археологии [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., 2006–2013. URL: www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=224&zid_nws=9 (дата обращения: 28.10.2013).
- Молчанов А. А. Знаки Рюриковичей: проблемы изучения // Нумизматика на рубеже веков (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 125. Нумизматический сборник. Ч. XV). М., 2001. С. 85–107.
- Насевич В. Л. Друцкае княства і князі Друцкія // Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада. Мінск, 2000. С. 40–76.
- Однороженко О. Родова геральдика Сіверської та Смоленської земель доби Середньовіччя (друга половина XIV–XV ст.) // Сіверянський літопис. 2008. № 3. С. 12–22.
- Однороженко О. До історії української генеалогії та геральдики: княжі роди XIV–XVII ст. // Генеалогічні записки. 2010. Вип. 8 (нової серії 2). С. 1–33.
- Станюкович А. К., Авдеев А. Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печатиматрицы XII–XVIII веков из частных собраний. М., 2007.
- Фетищев С. А. К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV – начала XV в. // ВИД. СПб., 1994. Т. XXV. С. 63–76.
- Хорошкевич А. Л. Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // ВИД. Л., 1972. Т. IV. С. 128–146.
- Черепнин Л. Б. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.
- Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XII – середина XVI в. М., 2012.
- Gutowski M. Pieczęcie książąt Litewskich // Ateneum Wileński. 1930. T. VII. Nr. 3–4. S. 684–725.
- Piekosinski F. Heraldyka polska wieków średnich. Krakow, 1899.
- Piekosinski F. Studya, rozprawy i materyaly z dziedziny historyi polskiej i prawa polskiego. Krakow, 1907. T. VII.
- Vossberg F. A. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen: ein Beitrag zur Förderung diplomatischer, genealogischer, numismatischer und kunstgeschichtlicher Studien über ursprünglich slavische Theile der preussischen Monarchie. Berlin, 1854.
- Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków, 1885.
- Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy. Warszawa, 1895.